

ВИКЕНТИЙ ВЕРЕСАЕВ

Спутники Пушкина

Родственники и домочадцы

•

В лице

•

В Петербурге до ссылки

ПАЛЪМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 0

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос-Рус)5
В31

Вересаев В.

В31 Спутники Пушкина : Родственники и домочадцы. В лице. В Петербурге до ссылки / Викентий Вересаев. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 257 с. — (Серия «Воспоминания о писателях»).

ISBN 978-5-517-02150-2

Плод многолетнего труда В. В. Вересаева, книга «Спутники Пушкина» открыла в свое время в русской литературе новый жанр — хронику характеристик и мнений. В этой книге нет трактовки событий из жизни А. С. Пушкина и описания ее с помощью художественных средств, автор «монтирует» исторические факты в уникальный ряд портретов современников поэта, историю его времени, быта и нравов эпохи. В этот сборник вошли портреты родственников и домочадцев А. С. Пушкина, его друзей и наставников в лице, участников обществ «Арзамас» и «Зеленая лампа» и многих других.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос-Рус)5

ISBN 978-5-517-02150-2

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

От автора

Книга эта, представляя из себя самостоятельное целое, является в то же время дополнением к моей книге «Пушкин в жизни» и написана в том же плане. Задача ее — дать бытовые литературные портреты лиц, с которыми соприкасался в жизни Пушкин, иначе сказать — окружить Пушкина живыми людьми. В соответствии с этим главное внимание обращено на обрисовку личности каждого спутника и его житейских отношений к Пушкину, а через это — на характеристику быта, в окружении которого приходилось жить и творить Пушкину.

Большое иногда затруднение представляло распределение портретов по группам, и тут пришлось допустить некоторую долю произвольности. Например, выделены в отдельную группу писатели, с которыми имел общение Пушкин, но в группе этой нет Дельвига, Жуковского, Вяземского — они отнесены в группу друзей Пушкина. Я старался по возможности не разносить портрета частями в разные группы. Иногда, однако, приходилось делать исключение, — например, относительно некоторых лицейских товарищей Пушкина, с которыми он впоследствии приходил в частые и многообразные отношения. О лицейской их жизни рассказано в отделе о лицейских товарищах Пушкина, продолжение — в соответственных других группах. То же относительно членов «Арзамаса» и «Зеленой лампы».

В. Вересаев

Родственники и домочадцы

Гм! гм! Читатель благородный,
Здорова ль ваша вся родня?
Позвольте: может быть, угодно
Теперь узнать вам от меня,
Что значит именно *родные*.
Родные люди вот какие:
Мы их обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать
И, по обычаю народа,
О Рождестве их навещать
Или по почте поздравлять,
Чтоб остальное время года
Не думали о нас они...
Итак, дай Бог им долги дни.

«Евгений Онегин», IV, 20

СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ ПУШКИН (1770–1848)

Отец поэта. Сын богатого помещика. Получил светское французское воспитание. При Павле I служил в лейб-гвардии егерском полку. Но к службе, при тогдашних требованиях, по крайней своей небрежности и рассеянности, оказался мало годен. Он любил, например, сидеть с приятелями у камелька и мешать в нем огонь; однажды он для этого употребил свою офицерскую трость и с ней же явился потом на службу. Командир, заметив обгорелую трость, сказал:

— Уж вам бы, господин поручик, лучше явиться на учение с кочергою.

Сергей Львович очень был огорчен таким замечанием и жаловался на тяжесть военной службы. Перчатки он постоянно терял или забывал дома. Как-то даже на придворный бал явился без перчаток. К нему подошел император Павел и спросил по-французски:

— Отчего вы не танцуете?

Оробевший Пушкин в смущении ответил:

— Я потерял перчатки, ваше величество.

Царь снял свои перчатки и сказал с улыбкой:

— Вот вам мои. — Потом взял молодого офицера под руку, подвел к даме и прибавил: — А вот вам и дама.

В ноябре 1796 г. Сергей Львович женился на Надежде Осиповне Ганнибал, своей внучатой племяннице. Через два года вышел в отставку в чине майора и переселился на покой в Москву. Впрочем, и в Москве числился служащим где-то по комиссариатской части. С 1814 г. в течение трех лет служил в Варшаве, тоже по комиссариатской части; в январе 1817 г. окончательно вышел в отставку с чином статского советника. Преемник его, принимая от Сергея Львовича должность, застал его в присутственном месте за французским романом вместо счетов и бумаг. Сергей Львович поселился с семейством в Петербурге, больше никогда уже не служил и вел совершенно праздную жизнь, ни о чем решительно не заботясь. Он был изысканно любезен на старинный французский манер, был мастер на каламбуры и острые ответы. Например, некто Копьев славился в Петербурге худобой своей малокормленной четверни. Однажды ехал он в карете по Невскому, нагнал шедшего пешком Сергея Львовича и крикнул ему из кареты:

— Садись, подвезу!

Сергей Львович ответил:

— Благодарю, но не могу: я спешу.

Особенно торжествовал он в салонных играх, требующих беглости ума и остроты, был необходимейшим человеком при устройстве праздников, собраний и домашних театров. Был прекрасный актер и декламатор, мастерски читал, особенно Мольера. Очень легко писал стихи — и по-французски, и по-русски. Интересовался литературой, был лично знаком с Карамзиным, Дмитриевым, Батюшковым, Жуковским, князем Вяземским.

Жизнь представлялась Сергею Львовичу лугом удовольствий, человек, точнее, дворянин — мотыльком, которому предназначено порхать по оному лугу и пить с цветочков сладкий сок. Для этого, естественно, нужны средства. Сергей Львович их имел. В Нижегородской губернии у него было около семи тысяч десятин земли и более тысячи крепостных крестьянских душ. Да за женой он получил

в Псковской губернии более тысячи десятин. Но средства сами собой в руки не плывут. Все-таки нужно надзирать за управляющими, следить за отчетностью, наезжать хоть изредка в поместья, ревизовать, — вообще, прилагать некоторый труд. Вот это было совершенно не по нутру Сергею Львовичу. Никакими делами он заниматься не любил. Своих наследственных поместий он за всю жизнь не посетил ни разу и управление поручил крепостному своему человеку Михайле Калашникову, мошеннику первостатейному. Когда впоследствии, для спасения имения, послан был туда дельный управляющий-немец, то он просто бежал из имения при виде страшного разорения крестьян. В псковском поместье Михайловском было не лучше: приказчики надували и обкрадывали барина, высылали ему в год две-три сотни рублей ассигнациями, два-три воза замороженной домашней птицы и масла; грабили и притесняли крестьян. Когда же мужики приехали в Петербург к Сергею Львовичу с жалобой на управляющего, Сергей Львович пришел в негодование за причиненное беспокойство, затопал ногами, раскричался на мужиков и прогнал, не выслушав.

При такого рода хозяйствовании, разумеется, представлялось очень мало возможности беззаботно гулять по жизненному лугу удовольствий. Погуляй-ка, когда имения заложены и перезаложены, казна требует процентов, в доме нет ни гроша, лавочки перестают верить в долг. Обычный стиль жизни Сергея Львовича хорошо отражен в письмах его дочери О. С. Павлищевой к мужу. «Вообрази, — пишет она, — что в прошлом году имение Болдино описывали пять раз... Можешь себе представить, в каком состоянии находится отец со своими черными мыслями, да к тому же денег нет. Он хуже женщины: вместо того чтобы прийти в движение, действовать, он довольствуется тем, что плачет. Не знаю, право, что делать, — я отдала все, что могла, но это все равно что ничего, из-за общих порядков дома, из-за мошенничества людей, перед которыми наш Петрушка буквально ангел. Они получили тысячу рублей из деревни, и через неделю у них ничего уже не было, а заплатили всего только четыреста рублей за квартиру... Я одолжила отцу 225 р.; он мне их не возвратил и, вероятно, не возвратит, потому что с тех пор он получил 1300 и не сказал ни слова. Мать этого не знает: она возвратила бы мне эти деньги. Никогда у меня не хватит смелости попросить их

обратно у отца, но зато у меня будет смелость больше ему их не давать... Мой отец только и делает, что плачет, вздыхает и жалуется встречному и поперечному. Когда у него просят денег на дрова и сахар, он ударяет себя по лбу и восклицает: «Что вы ко мне приступаете? Я несчастный человек!» Он испустил это восклицание передо мною, и, сознаюсь, меня это немного развлекло, когда я подумала о его 1200 мужиках в Нижнем... Боже упаси обращаться к кому-нибудь из прислуги в доме: это воплощенные дьяволы, мошенники, воры, нахалы, и потом, они ничего не сделают даром. Лакеем к экипажу мне пользоваться невозможно, отец сердится, когда он всю челядь не видит налицо: „Да где тот? Да где этот? Да кто его послал?“ и т. д. Право, иногда он мне очень жалок. Старик всегда нуждается в деньгах, а их любит; его обкрадывают и обчищают со всех сторон; его челядь — саранча сушая. Вообрази: пятнадцать человек!»

Сергей Львович был небольшого роста, с проворными движениями, с носиком вроде клюва попугая. Имел склонность к чувствительности, был очень слезлив. Главную, характернейшую его особенность составляла глубокая душевная фальшивость, постоянное стремление играть какую-нибудь роль. Никогда он не проявлял прямо того, что переживал в душе, а держался так, как, по его мнению, в данном случае должно было проявляться. Был он глубочайший эгоист, до детей ему мало было дела, но письма его к ним были исполнены самой образцовой отеческой нежности. Когда умирала его жена, он громогласно рыдал в ее комнате; это пугало и мучило умирающую; дочь попробовала указать на это отцу; Сергей Львович пришел в негодование, накричал на дочь и стал обвинять ее в бесчувствии. Можно думать, что напыщенная фальшивость отца сыграла, по контрасту, свою роль в выработке у Пушкина большой простоты и естественности в выражении чувства.

Сергей Львович денег удерживать не умел, но в то же время был очень скуп. Пушкин в письме с юга к брату с горечью вспоминал о своем петербургском пребывании под родительским кровом: «...Когда больной, в осеннюю пору или в трескучие морозы, я брал извозчика от Аничкина моста, он вечно бранился за восемьдесят копеек, которых, верно бы, ни ты, ни я не пожалели для слуги». Однажды, уже взрослым, обедая у отца, сын его Лев разбил нечаянно рюмку. Отец вспылил и целый обед ворчал. Лев сказал: